

Глава VII Не-Философ

Мир глазами Бродского (вступление)

Стихи, собранные в «Остановке в пустыне» и «Конце прекрасной эпохи», представляют поэтическую модель мира, созданную зрелым Бродским. Что бы ни происходило с ним в последующие четверть века, его мировоззрение принципиально не менялось, он только становился все более совершенным поэтом – по меркам своей собственной поэтической системы – и язык, на котором он рассказывал о своей вселенной, становился все точнее и богаче нюансами. Зрелость проявляется в том, с какой отчетливостью он говорит на языке своей поэзии о мире, вере, человеке и обществе. Это относится даже к противоречиям в его взглядах на христианство и культуру, на Россию и Запад, на этику и эстетику – эти противоречия выражены точно и ярко.

Бродский был принципиальным антидоктринером, отвергал «системы» в философии и религии³⁰⁹. На просьбу журналиста: «Расскажите о вашей жизненной философии» отвечал: «Никакой жизненной философии нет. Есть лишь определенные убеждения»³¹⁰. Можно, однако, говорить об определенных умонастроениях, преобладающих в его творчестве и высказываниях на темы религии, философии и политики³¹¹. Но прежде всего следует оговориться, что, хотя мы и признаем введенное формалистической критикой правило, которое запрещает априорно отождествлять автора с «лирическим героем» («я» текста), знакомство с не-литературными высказываниями Бродского и, даже в большей степени, с его поведением в жизни убеждает, что к этому поэту двадцатого века вполне применим романтический девиз Батюшкова: «Живи – как пишешь, пиши – как живешь». Между Бродским в жизни и Бродским в стихах принципиальной разницы нет.